

В.Я. Мауль

НАРОДНЫЙ «МИФ О ЦАРЕ»: КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ОТ «CAESAR» К «ВЕНЕЦИАНСКОМУ САМОЗВАНСТВУ» Е.И. ПУГАЧЕВА

Рассматриваются особенности «культурного трансфера» как познавательного средства для изучения исторического прошлого, в частности народного «мифа о царе». Определяется причинно-следственная цепочка эволюции понятия «Caesar» в российской политической традиции. Показывается, как через различные формы репрезентации власти этот титул подвергся сакрализации: переосмысленный народной культурой в рамках антитезы царей истинных и ложных, культ монарха сформировал устойчивый народный «миф о царе».

Ключевые слова: «культурный трансфер»; Caesar; царь; сакрализация; «миф о царе»; самозванцы; Пугачев; венецианское самозванство.

В отличие от многих историков-русистов, равнодушных к гносеологическим исканиям и предпочитающих эвристическое копание в архивах, меня, помимо того, всегда привлекали различные теоретические изыски. Приходилось где-то что-то подсматривать, кое-что подслушивать, частенько – у историков-всеобщников, социологов, культурологов, филологов, лингвистов, а затем опытным путем примерять работу тех или иных познавательных практик на материалы народных движений в России. Порой результаты получались весьма неожиданными, когда за сообщениями документов вдруг удавалось разглядеть пугачевскую версию «игры в царя», или расшифровать телесный код как культурный маркер первого самозванца, увидеть ритуальный символизм повстанческих действий и мн. др. Благодаря конференции, проведенной в мае 2018 г. на площадке Томского государственного университета, таким открытием для меня стал «культурный трансфер» как особый метод погружения в прошлое. Пришлось потратить некоторые усилия, чтобы разобраться в конструктивных нюансах этого подхода, как оказалось, сравнительно недавно, в середине 1980-х гг., появившегося в литературоведении стараниями Мишеля Эспаня и Михаэля Вернера. С тех пор в ходе его «триумфального шествия» «эффективность метода повлекла за собой расширение круга гуманитарных дисциплин», в том числе, за счет истории [1. С. 12].

Основной принцип методологии «культурного трансфера» заключается в отрицании идеи одностороннего влияния, так сказать, передовой культуры на якобы более примитивную культуру. Да и вообще, отношения «донор – реципиент», «центр – периферия» здесь неуместны, а потому неприемлем пресловутый европоцентризм, долго господствовавший на страницах ученых трактатов. Как кажется, в самых тесных отношениях с «культурным трансфером» находится понятие «аккультурация», но они не подменяют друг друга. «Культурный трансфер» делает акцент не просто на переносе неких духовных феноменов или материальных артефактов из одного культурного пространства в другое, но на их семиотической трансформации и семантической интерпретации «принимающей» культурой. Причем обязательна, по крайней мере, возможна обратная связь, когда заимствованное явление, переосмысленное и изменившее свое изначальное качество, возвращается «передаю-

щей» культуре, где также обрастает новыми смыслами и значениями. Как правило, подобный круговорот элементов культуры происходит не напрямую, а через одушевленных или неодушевленных посредников, становящихся промежуточным звеном в динамическом процессе культурных коммуникаций [2–4].

В нашем случае «передающей» культурой будет античное наследие, в древнеримской версии, лежащее в основе всего западноевропейского мира. За исходный познавательный концепт возьмем понятие «Caesar», производное от имени Юлия Цезаря, ставшее обязательной частью титула императоров в Западной Римской империи и Византии. Термин «царь» представляет собой русское сокращение от «цесарь». В древнерусский язык через готское «kaisar», заимствованное всеми славянами, он проник из старославянской литературы и обозначал библейских правителей, римских и византийских императоров. Долгое же время Русь довольствовалась знакомым с эпохи родоплеменной старины словом «князь» и взятым из политического лексикона соседней Хазарии титулом «каган». По крайней мере, именно «каганами» величают русских князей митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати», составленном в середине XI в. Изредка именованное царем все же применялось по отношению к нашим князьям, но «в виде особого почетного отличия; это не был официальный титул всех киевских князей». «Самое древнее бесспорное использование термина “царь” применительно к русскому князю мы находим в сохранившейся надписи из киевского собора Святой Софии. Она составлена, как было доказано ее публикаторами, в связи со смертью Ярослава Мудрого (1054)» [5. С. 102; 6. С. 513; 7. С. 17]. Однако такое употребление имело оказательный характер и с помощью цветистой риторики в глазах современников всего лишь подчеркивало репутационный статус князя, как правило, уже умершего.

Ситуация стала меняться в эпоху ордынского владычества и затем избавления русских земель от него, когда из заимствованного термина и употребляемого в адрес чужеземных владетелей титула слово «царь» стало перерастать в местный политический концепт. Среди катализаторов перемен называют четыре ключевых события: 1) подписание православными иерархами в 1439 г. Флорентийской унии, признающей главенство папы римского; 2) падение в 1453 г. Констан-

тинополя – православной столицы мира, Нового Иерусалима и второго Рима – под ударами османских завоевателей, в результате Московское княжество оказалось в роли светского лидера православия, а великому князю отныне приписывались церковные функции византийского императора; 3) окончательное освобождение Руси от власти Орды в 1480 г., превратившее Москву в единственный независимый остров православия в окружающем море иноверческого мира; 4) широкое бытование на Руси эсхатологических ожиданий, связанных с 7000-м годом от Сотворения мира (1492), который представлялся потенциальной датой Конца света.

Неудивительно, что в изменившихся условиях усилиями московских книжников формируется идея мессианского предназначения русских государей и их права на царский титул, которому (в отличие от сугубо светского «цесарь») присваивается сакральное значение. Концептуально завершенный вид этим взглядам придал старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей в теории о «Москве – третьем Риме». В ней органично переплелись политические, эсхатологические и хилиастические мотивы: «...если хорошо урядишь свое царство – писал он Василию III, – будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима». И далее отчаянно взывал: «...храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится». Практически одновременно в «Сказании о великих князях владимирских» была обоснована царская генеалогия московских государей от римского «кесаря Августа» через его брата Пруса, потомком которого был Рюрик – родоначальник русской правящей династии: «А четвертое колено от великого князя Рюрика – великий князь Владимир, который просветил Русскую землю святым крещением в год 6496 (988). А от великого князя Владимира четвертое колено – правнук его Владимир Всеволодович», получивший царские регалии от византийского императора Константина Мономаха. И «с тех пор и донныне тем венцом царским» венчаются русские правители [8. С. 9–11, 21–22, 399;].

Как не раз отмечалось в литературе, получилась весьма стройная идеологическая схема: «Первый Рим дает Руси первого князя, Рюрика, происходившего от рода императора Августа. Второй Рим, Константинополь, передает на Русь имперские регалии вместе с царским титулом». Тем самым «осуществляется преемственность не только государственной власти, но и ее царского статуса» [9. С. 36], а также обозначаются имперские амбиции Московского государства как противовеса политическому влиянию Священной Римской империи германской нации.

В дальнейшем через различные публичные формы репрезентации сакрально заряженный образ верховной власти стал достоянием народной культуры, но в рамках так называемого мифа о царе оброс дополнительными смыслами и контекстами. В самом общем виде «миф о царе» – это логически не отрефлексированная совокупность народных социально-политических представлений о царе и царской власти. За-

крепляясь в народной ментальности на подсознательном уровне, они неразрывно увязывались с религиозной «картиной мира». В ней царь представлял ставленником Божиим на земле, гарантом незыблемости установленных свыше справедливых порядков. Поэтому он а priori не мог считаться виновником тягот и страданий народной жизни. Причины этих бедствий находили в непосредственном источнике зла – чиновниках, боярах (дворянах)-изменниках, будто бы скрывавших от царя правду о людских нуждах. Ее нужно было донести до него, например, с помощью мирских челобитных. Но рано или поздно становилось понятно, что правящий царь все знает, но почему-то не наказывает злодеев и не улучшает жизнь своих «сирот». Поскольку сомнения в царе как таковом были немыслимы, проблема получала единственное решение через антитезу царей «истинных» и «ложных», причем очевидной была имманентная связь последних с «черным», «колдовским» антимиром. Но если на престоле находится ненастоящий царь (самозванец на троне), где-то должен быть царь «истинный», который предназначен по промыслу Божию. Его поиск создавал питательную социально-психологическую почву для появления разного рода самозванцев, выдававших себя за «истинных» царей. В результате с XVII в. родился яркий феномен российского самозванчества, практически не знакомый Западной Европе. По образному выражению Н.И. Костомарова, у нас самозванцев «было так много, что их не перечесть, да еще многие в свое время являвшиеся остались до сих пор неизвестными и как бы случайно из мрака архивов открываются на горизонте истории словно астероиды, беспрестанно увеличивающие каталог планет». По подсчетам О.Г. Усенко, «в Российском государстве с 1601 г. по 1800 г. включительно действовали 147 лжемонархов (в XVII в. – 29, в XVIII в. – 118)». В.О. Ключевский имел все основания утверждать, что «у нас с легкой руки первого Лжедмитрия самозванство стало хронической болезнью государства» [10. С. 25; 11. С. 19; 12. С. 26].

Абсолютное большинство из них не смогло обрести себе сторонников, убедить в правомочности притязаний на царский титул. Одним из немногих «успешных» самозванцев был донской казак Емельян Пугачев, под «взятым займы» именем императора Петра III возглавивший мощное народное восстание 1773–1775 гг. Реализуя в поведенческих практиках повстанцев архаичные культурные архетипы, грандиозный бунт «от имени царя» был обречен на пристальное внимание европейцев. Непреходящий интерес вызвала колоритная фигура самозваного «третьего императора», сумевшего поднять и сплотить вокруг себя многотысячные массы. Например, среди англоязычной публики имели хождение фантастические слухи о мятежном атамане. По одним из них, Е.И. Пугачев «был выходцем из состоятельной и влиятельной казацкой семьи и, при покровительстве графа К. Разумовского, учился в Берлине, служил в прусской армии, был пажом при дворе Елизаветы, а затем вошел в ближайшее окружение Петра III». Однако «Пугачев “выказал такой буйный и независимый дух, что его оттуда вытеснили”». После этого он якобы скитался по польским и турецким землям, и, в конце

концов, решил поднять бунт. По другой версии, Пугачев был «по происхождению и по сути своей варваром-казак», который, тем не менее, «обучился грамоте, посещал “колледж” в Москве и воспитывался графом И. Шуваловым. После смерти своего близкого друга Петра III Пугачев бежал на юг, где выдавал себя за чудом выжившего покойного императора». Французские газеты тиражировали не менее причудливые сплетни, будто Пугачев «торжественно уверял, что как только “революция”, которую он задумал, осуществится, сам он удалится в монастырь, чтобы закончить в мире дни, которые сейчас посвящены войне». Апофеозом западного мифотворчества стал литературный казус «венецианского самозванства» Пугачева, известный по книге *«Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemeljan Pugatschew»* («Ложный Петр III, или Жизнь и приключения бунтовщика Емельяна Пугачева»). Изданная на французском языке по горячим следам событий (1775), она «приобрела необычайную популярность за границей» и вскоре была переведена на немецкий и итальянский языки [13. С. 268–269; 14. С. 386; 15. С. 213–214].

Однако в гротескном сюжете реальный образ народного «царя-батюшки» не получил адекватного звучания. Вместо него в привычном для европейского романтического вкуса ключе Пугачев, словно какой-нибудь Казанова или Калиостро, представлен в виде бесшабашного авантюриста, которому сам черт не брат. Пресытившись злодейскими «подвигами» в своем отечестве, он решил развлекаться и перенес неутомимую деятельность на европейские подмостки. Там Пугачев назвался венецианским графом Занарди и, благодаря обаянию, вскоре стал всеобщим любимцем. Вместе с соратником по шайке – верным другом Боаспре – он путешествовал по разным странам, плетя изысканные интриги в высшем аристократическом обществе. Находясь в Вене, самозванец положил глаз на прекрасную молодую графиню Л. Чтобы добиться ее благосклонности, он присвоил себе «титул и подделал бумаги, утверждавшие его род и богатство». Ясно, что красавица с отцом попались на заманчивую приманку. «Немецкий Граф пленился таким славным приобретением, а более мнимым богатством», которое мнимый Занарди «обещал будущей своей супруге». После заключения брачных уз, казалось, все складывалось как нельзя лучше, Пугачев «обладал любезною женщиною и был любим». Благодаря влиянию тестя при венском дворе «наш титулованный разбойник» был не прочь сделать дипломатическую карьеру. Однако в сюжетную канву вмешался словно бы неумолимый рок в виде ухудшения отношений Австрии и Венецианской республики. Они с «некоторого времени... спорили о владетельных правах», которые обе стороны «присвоили себе»: «Венецианцы, будучи умны и осматрительны в своих делах, за нужное сочли лучше окончить вражду свою полюбовно, нежели предоставить ее счастью оружия». С этой целью в Вену прибыл венецианский посланник, переговоры с которым позволили урегулировать конфликт. Приглашенный по этому поводу «на обед к принцу Л.», он там узнал о блестящей судьбе своего «соотечественника», чью «особу, заслуги и имя» все восхваляли.

С «некоторым удивлением» дипломат подтвердил, что в Венеции действительно были графы Занарди, «но, – как заметил он, – эта фамилия давно перевелась, и едва ли где осталось их имя, кроме Родословной книги». Слова посланника вызвали переполох в столичном бомонде, и испуганное общественное мнение метнулось от одной крайности к другой: «...в Вене распространилась молва, что Пугачев ничто иное, как разбойник, который принял на себя достоинство Графа, чтоб безопаснее производить свое злодейство». К счастью для себя в тот трагический момент он находился в загородном имении тестя. И прежде, чем в графском замке услышали скандальную новость, самозванца уведомил преданный товарищ Боаспре. «Трудно описать все бешенство старого Графа и его дочери», когда они поняли, что оказались жертвами «самого постыдного обмана». Но Пугачев, «обесчестивши благородную кровь», успел избежать «предстоявшей ему опасности». Вовремя узнав о разоблачении, он был «уже близ границ Польши» вне досягаемости графского гнева. Оставшись безнаказанным, он «вскоре вздумал играть роль в лице покойного Императора Петра III» [16. С. 47–53].

Очередным витком «культурного трансфера» стало появление на свет в 1809 г. русского перевода «Ложного Петра III». Однако это был не точный перевод, «а скорее вольный пересказ, иногда далекий от французского оригинала», и Пугачев здесь выступает «в самом непривлекательном виде». Одновременно в той же типографии был издан не имеющий аналогов краткий экстракт французского романа (не русского перевода) в виде небольшой книжки «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве». Большой по тем временам тираж каждого из изданий (по 1 800 экз.) быстро разошелся по рукам, иллюстрируя их точное попадание в культурный мейнстрим эпохи. Травестийный образ грозного «набеглого царя» соответствовал интеллектуальным чаяниям дворянского сообщества, и в начале XIX в. еще помнившего о пережитых в годину Пугачевщины ужасах [15. С. 216; 17].

Таким образом, казус «венецианского самозванства» Пугачева показал, что «культурный трансфер» концепта «цесарь» / «царь» затронул разные эшелоны в структуре культуры российского и европейского социума. Сначала произошло его заимствование из западного политического лексикона и усвоение нашей политической элитой. Затем через многочисленные формы репрезентации власти он вошел в народную культуру, где его смысловое содержание и внешние формы подверглись реинтерпретации в свете собственного разума, породив яркий феномен российского самозванчества. Изрядно впечатлив современников, он нашел отражение в западноевропейской культурной рефлексии, и через нее, в свою очередь, оказал воздействие на русскую литературу XIX столетия. Но этим дело не закончилось. Живучесть самозванчества в России как исторического явления и литературного сюжета убеждает, что круговорот рассмотренного концепта продолжается и по сию пору, порождая новые тексты, подтексты и контексты, дальнейшее изучение которых может быть более плодотворным при помощи методологии «культурного трансфера».

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. Париж, Самарканд : МИЦАИ, 2013. 312 с.
2. Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях : оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
3. Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 23–27.
4. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 6 : Специальные курсы. М. : Мысль, 1989. 476 с.
6. Водов В.А. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1 : Киевская и Московская Русь. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 506–542.
7. Горский А.А. Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 17–37.
8. Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 3 : Московская Русь. М. : РОССПЭН, 2010. 720 с.
9. Пчелов Е.В. Рюрик. М. : Молодая гвардия, 2010. 316 [4] с.
10. Костомаров Н.И. Самозванец лже-царевич Симеон // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 1–25.
11. Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как фронтир // Границы в пространстве прошлого : социальные, культурные, идейные аспекты. Тверь : Изд-во ТвГУ, 2007. Т. 1. С. 19–28.
12. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 3: Курс русской истории. М. : Мысль, 1988. Ч. 3. 414 [1] с.
13. Байер Н.Г., Магаков Г.Ю. «Край благородных дикарей»? Представления британской обществённости XVIII в. о юге России и его казачьем населении // Британские исследования. Ростов н/Д : Foundation, 2010. Вып. III. С. 250–274.
14. Шаркова И.С. «La Gazette de France» о Крестьянской войне в России под предводительством Е.И. Пугачева // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков : проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 380–389.
15. Шаркова И.С. Первое иностранное сочинение о Е.И. Пугачеве // Вопросы истории. 1975. № 7. С. 213–217.
16. Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве. М. : В вольной Типогр. Федора Любиа, 1809. 80 с.
17. Мауль В.Я. Незамеченный источник по истории Пугачевского бунта («Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве») // Клио. 2014. № 7 (91). С. 25–30.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2018 г.

The Folk “Myth of the Tsar”: A Cultural Transfer From a “Caesar” to the “Venetian Imposture” of Yemelyan Pugachev

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 147–151.

DOI: 10.17223/15617793/451/19

Viktor Ya. Maul, Tyumen Industrial University, Nizhnevartovsk Affiliate (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaul@mail.ru

Keywords: cultural transfer; Caesar; tsar; sacralization; “myth of the Tsar”; impostors; Pugachev; “Venetian impostor”.

The article explores the features of “cultural transfer” as a methodology of scientific research. It is shown that the cognitive concept “cultural transfer” appeared in the 1980s in the works of Michel Espagne and Michael Werner. Later, due to its effectiveness, it became widespread in the humanities, including historical science. The article attempts to identify and test the epistemological possibilities of “cultural transfer” to study some important aspects of the Russian historical past. For this purpose, various links of evolution of the Latin concept “Caesar” in the domestic political tradition are considered. It is shown that in ancient times this concept was borrowed by the Roman neighbours as a designation of the supreme ruler. Later it entered our lexicon and was transformed through the Russian “Caesar” into the actual “Tsar”. In the Russian political tradition, primarily in the Moscow period, through numerous forms of representation, this title was sacralized: the Tsar is the anointed of God on earth; God is the Tsar of heaven, the Tsar is the God of the earth. Reinterpreted by folk culture within the framework of the antithesis of true and false tsars, the cult of the monarch formed a stable folk “myth of the Tsar”. Against the background of the crisis of legitimacy of the authorities of the early 17th century and later, the myth gave rise to a string of impostors of a monarchical type; their total number in the 17th–18th centuries reached almost one and a half hundred. Among the impostors, one of the most famous and successful was Yemelyan Pugachev. Under the name of Peter III, he headed the people’s revolt, largest in Russian history. The colourful figure of the self-proclaimed “third Emperor”, who raised and united many thousands of underclass people around him, aroused the enduring interest of Europeans and, in turn, became the object of mythologization. One of its bright fruits in European literature was the case of the “Venetian impostor” Pugachev. Made famous by the book *False Peter III* in French, this case had an impact on the Russian literature of the early 19th century. In 1809 a Russian translation of this book and a short extract in the form of *Anecdotes about the Rebel and Impostor Emelka Pugachev* were published in Moscow. It is concluded that the methodology of “cultural transfer” allows a better understanding of the features of the Russian political tradition. In particular, it provides an opportunity to successfully identify and analyse the features of the national “myth of the Tsar”, widespread in the real historical past and in the literary process of our country.

REFERENCES

1. International Institute for Central Asian Studies. (2013) *Cultural Transfers in Central Asia: Before, During and After the Silk Road*. Paris, Samarkand: International Institute for Central Asian Studies. (In Russian).
2. Dmitrieva, E.E. (2011) Teoriya kul’turnogo transfera i komparativnyy metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost’? [The Theory of Cultural Transfer and the Comparative Method in Humanitarian Research: Opposition or Continuity?]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 302–313.
3. Lobacheva, D.V. (2010) Cultural Transfer: Definition, Structure and Function in Literary Interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 8 (98). pp. 23–27. (In Russian).
4. Espagne, M. (2018) *Istoriya tsivilizatsiy kak kul’turnyy transfer* [The History of Civilizations as a Cultural Transfer]. Translated from French by M.E. Balakireva, A.V. Golubkov, E.E. Dmitrieva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya v 9 tomakh* [Works in 9 Volumes]. Vol. 6. Moscow: Mysl’.
6. Vodov, V.A. (2002) Zamechaniya o znachenii titula “tsar” primenitel’no k russkim knyaz’yam v epokhu do serediny XV veka [Remarks on the Meaning of the Title “Tsar” as Applied to Russian Princes Until the Middle of the 15th Century]. In: Litvina A.F. & Uspenskiy, F.B. (eds) *Iz istorii russkoy kul’tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. II. Book 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury. pp. 506–542.

7. Gorskiy, A.A. (1999) Predstavleniya o "tsare" i "tsarstve" v srednevekovoy Rusi (do serediny XVI veka) [Representations of the "Tsar" and "Tsardom" in Medieval Russia (Until the Middle of the 16th Century)]. In: Gorskiy, A.A. (ed.) *Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii* [Tsar and Tsardom in Russian Public Consciousness]. Moscow: Institute of Russian History, RAS. pp. 17–37.
8. Danilevskiy, I.N. (2010) *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
9. Pchelov, E.V. (2010) *Ryurik* [Rurik]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Kostomarov, N.I. (1880) Samozvanets Izhe-tsarevich Simeon [The Impostor False Tsarevich Simeon]. *Istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 1–25.
11. Usenko, O.G. (2007) Monarkhicheskoe samozvanchestvo v Rossii XVII–XVIII vekov kak frontir [Monarchist Imposture in Russia of the 17th – 18th Centuries as a Frontier]. In: Vinnik, A.V. & Malygin, P.D. (eds) *Granitsy v prostranstve proshlogo: sotsial'nye, kul'turnye, ideynye aspekty* [Borders in the Space of the Past: Social, Cultural, Ideological Aspects]. Vol. 1. Tver: Tver State University. pp. 19–28.
12. Klyuchevskiy, V.O. (1988) *Sochineniya v 9 tomakh* [Works in 9 Volumes]. Vol. 3. Pt. 3. Moscow: Mysl'.
13. Bayer, N.G. & Magakov, G.Yu. (2010) "Kray blagorodnykh dikarey"? Predstavleniya britanskoy obshchestvennosti XVIII v. o yuge Rossii i ego kazach'em naselenii ["The Land of Noble Savages"? Representations of the British Public of the 18th Century About the South of Russia and Its Cossack Population]. In: Uznarodov, I.M. (ed.) *Britanskie issledovaniya* [British Studies]. Is. 3. Rostov-on-Don: Foundation. pp. 250–274.
14. Sharkova, I.S. (1974) "La Gazette de France" o Krest'yanskoy voyne v Rossii pod predvoditel'stvom E.I. Pugacheva ["La Gazette de France" on the Peasant War in Russia Led by Ye.I. Pugachev]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant Wars in Russia of the 17th–18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow: Nauka. pp. 380–389.
15. Sharkova, I.S. (1975) Pervoe inostrannoe sochinenie o E.I. Pugacheve [The First Foreign Work on Ye.I. Pugachev]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 213–217.
16. Anon. (1809) *Anekdoty o buntovshchike i samozvantse Emel'ke Pugacheve* [Anecdotes about the Rebel and Impostor Emelka Pugachev]. Moscow: V vol'noy Tipogr. Fedora Lyubiya.
17. Maul', V.Ya. (2014) Unnoticed Source on the History of Pugachev's Rebellion ("Anecdotes about the Rebel and Impostor Emelka Pugachev"). *Klio*. 7 (91). pp. 25–30. (In Russian).

Received: 08 November 2018